



DOI: 10.25178/nit.2019.4.13

## Калмыки и тувинцы в русском дискурсе XX — начала XXI века\*

Галина М. Ярмаркина

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация



*В статье рассматривается функционирование этнонимов калмыки и тувинцы в русском языковом дискурсе с целью уточнения характеристики этнических фрагментов языковой картины мира, отражающих ситуации взаимодействия представителей разных национальностей и культур.*

*Исследование выполнено на материале Национального корпуса русского языка. Количественные данные обнаруживают значительное преобладание контекстов с этнонимом калмык — 1917 словоупотреблений в 481 документе, самый ранний из которых датирован 1688–1709 годами, а поздний — 2013 г. Этноним тувинец встречается в документах, начиная с XX века, а именно: с 1930 г. до 2015 г. (обнаружено 25 документов, в которых зафиксировано 38 словоупотреблений). Эта разница объясняется разными периодами взаимодействия калмыков и тувинцев с русскими: русско-калмыцкие отношения активно развиваются с XVII в., русско-тувинские связи начинают формироваться двумя веками позднее.*

*Анализ сочетания этнонимов калмыки и тувинцы с атрибутивными элементами и другими этнонимами в перечислительных рядах позволяет выявить национально-культурные элементы этнонимикона, выявить этнографическую информацию о калмыках и тувинцах, отраженную в русском дискурсе.*

*На примере этнонима калмыки выявляется постепенное изменение оценочности этнонима в аспекте религии, своеобразный переход от пейоративной оценки к нейтральной. Отмечено, что особенности вероисповедания калмыков и тувинцев не упоминаются в русском дискурсе середины XX века, в то время как в начале XXI века русский дискурс содержит указание на буддизм как традиционную религию калмыков и тувинцев.*

**Ключевые слова:** этноним; калмыки; тувинцы; русский дискурс; языковая картина мира; русская языковая картина мира; Национальный корпус русского языка

\* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).



### Для цитирования:

Ярмаркина Г. М. Калмыки и тувинцы в русском дискурсе XX — начала XXI века [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/891> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.4.13



Ярмаркина Галина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (847-22) 3-55-06. Эл. адрес: yarmarkinagm@kigiran.com

ORCID ID: 0000-0002-3701-9157

Yarmarkina Galina Mikhailovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 I.K. Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (847-22) 3-55-06. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com



## Kalmyks and Tuvans in Russian discourse: 20th to early 21st centuries

**Galina M. Yarmarkina**

*Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,  
Russian Federation*

*The article examines the functioning of the ethnonyms 'Kalmyks' (Rus. калмыки) and 'Tuvans' (Rus. тувинцы) in Russian-language discourse, seeking to delineate certain characteristics of ethnic fragments within the linguistic worldview that would mirror the interactions between representatives of different nations and cultures.*

*The work deals with the Russian National Corpus. Qualitative data attest to that there prevail contexts related to the ethnonym 'Kalmyk', namely, 1917 word tokens across 481 documents, the earliest one dated to 1688-1709 and the latest one – to 2013. The ethnonym 'Tuvan' has been traced in documents dated to the 20th century and further: between 1930 and 2015, there have been identified 25 respective documents containing 38 word tokens. The difference results from differing periods of interaction between the Russians and Kalmyks / Tuvans, since the earliest active Russian-Kalmyk contacts date back to the 17th century, while the Russian-Tuvan relations began to develop two centuries later.*

*The analysis of co-occurrence of the ethnonyms with attributive elements and other ethnonyms in enumeration sequences makes it possible to reveal national and cultural elements of respective ethnonymic clusters, obtain ethnographic information about Tuvans and Kalmyks available from Russian-language discourse.*

*The ethnonym 'Kalmyk' illustrates the gradual evaluativity change of the word in terms of religion – from pejorative accounts to neutral ones. It is noteworthy that the mid-20th-century Russian discourse contains no mentions of confessional peculiarities inherent to Tuvans and Kalmyks, while the early-21st-century narratives characterize Kalmyks and Tuvans as adherents of Buddhism.*

**Keywords:** *ethnonym; Kalmyks; Tuvans; Russian discourse; linguistic worldview; Russian linguistic worldview; Russian National Corpus*

*\* The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of the Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (registration number AAAA-A19-119011490036-1).*



### **For citation:**

Yarmarkina G. M. Kalmyks and Tuvans in Russian discourse: 20th to early 21st centuries. *The New Research of Tuva*. 2019, № 4 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/891> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.4.13

### **Введение**

Анализ представленности этнонимов в языковом дискурсе, понимаемом нами вслед за З. Л. Новоженной как «совокупность текстов, формирующих национальное коммуникативно-речевое пространство с характерными для данного языкового сообщества социально-речевыми практиками и языковой картиной мира» (Новоженнова, 2014: 134), способствует более точной характеристике этнических фрагментов языковой картины мира, которые отражают ситуации межнационального межкультурного взаимодействия.

Предметом исследования в нашей работе выступают этнонимы *калмыки* и *тувинцы* — номинации народов, населяющих Россию, являющихся частью общероссийского полиэтнического поликультурного пространства и, вместе с тем, исторически имеющих этнические и культурные связи. На существование этнокультурных связей указывает общность языковой макросемьи, религии, история культуры социума калмыков и тувинцев, значительное сходство традиционной трудовой культуры тюрко-монголов, элементов традиционной материальной культуры: «Те же способы и приемы обработки шерсти, выделки шкур и кожи, изготовления ниток и веревок, какие применяли калмыки, встречаются у монголов, бурят, тувинцев, южных алтайцев и отчасти у киргизов» (Эрдниев, 1980: 167).

Функционирование этнонимов в текстах русского дискурса, активность их употребления, окружающий контекст способны проиллюстрировать знание и представление русских о других народах:



национальном характере, языке, традициях, умениях, качествах, предпочтениях; об этносе в целом и конкретных его представителях.

Материалом для анализа послужили примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): <http://www.ruscorpora.ru>. Запрос осуществлялся 14 июня 2019 г. в основном корпусе НКРЯ, объем которого на момент обращения составил 119 203 документа, 288 727 494 слова. Количественные данные — результаты запроса — обнаруживают значительное преобладание контекстов с этнонимом *калмык*. Этноним *калмык* (в различных грамматических формах) встречается в 481 документе с 1917 словоупотреблениями. Самый ранний документ датируется 1688–1709 гг., поздний — 2013 г. Этноним *тувинец* встречается в документах, начиная с XX века, а именно: с 1930 г. до 2015 г. (обнаружено 25 документов, в которых зафиксировано 38 вхождений).

Полученные количественные данные, на наш взгляд, связаны с периодами взаимодействия калмыков и тувинцев с русскими. Если русско-калмыцкие отношения активно развиваются с XVII в., то русско-тувинские связи начинают формироваться двумя веками позднее, а периодом вовлечения Тувы «в геополитическую орбиту России» ученые называют начало XX в. (Тюркские народы ..., 2008: 25).

Датировка документов с этнонимами *калмыки* и *тувинцы* повлияла на ограничение эмпирического материала, используемого для анализа в настоящей статье, временными рамками — с 1930 г. до 2015 г.

Анализируя функционирование этнонимов в русском языковом дискурсе, мы исходим из понимания, что этнонимы не только выполняют номинативную функцию, но и, обладая культурной коннотацией, служат средством словесного выражения этнических стереотипов.

В исследованиях категории этничности в русской лингвокультуре (Сироткина, 2008), в построениях «ономасиологического портрета» этноса (Березович, Гулик, 2002) лингвисты, пользуясь различными методиками и терминами, выделяют набор аспектов, важных для выявления специфики этнонимической лексики. Самоназвание, внешность, язык, материальная культура, вероисповедание — вот далеко не полный перечень характеристик, формирующих в дискурсе образ человека этнического.

В номинативной функции этнонимы калмыки и тувинцы используются в одном источнике — газете «Жизнь национальностей», в публикации, посвященной региональному аспекту национальной политики:

*(0,01%), эстонцы — 496 чел. (0,01%) и другие национальности — 5,9 тыс. чел. (0,2%), среди которых есть алеуты, абхазцы, аварцы, буряты, калмыки, карелы, тувинцы, якуты, коряки, чукчи, саами, эскимосы, таты, шорцы, селькупы, нивхи и другие народности* [Национальная политика: региональный аспект. Этническая история и этнический состав населения региона // Жизнь национальностей. 2001.12.28] (выделено курсивом и жирным шрифтом здесь и далее нами. — Г. Я.).

Фиксируются в русском дискурсе и эндоэтнонимы калмыков (*дербеты, торгоуты, хошеуты*) и тувинцев (*тувинцы-тоджинцы*). Устаревшее самоназвание тувинцев — сойоты — отмечается в художественной прозе 30-х годов XX века. В произведении зафиксирован не только этноним, но и так называемое прозвище — двоedanцы, причем это прозвище имеет объяснение. В этом же фрагменте содержится характеристика национального характера тувинцев:

*Конечно, есть! Тувинцы, или по-старорежимному — сойоты-двоedanцы, так как они до 1865 года платили дань и России и Китаю (...) А тех, кто им не причиняет бед, тувинцы не трогают и пальцем. За примером ходить далеко не надо. Совсем недавно тувинцы забрали в плен экспедицию томского профессора, приняв ее за банду горных грабителей, которых и сейчас не мало бродит по хребтам Танну-Тувы. Но когда тувинцы выяснили, что их пленники, они отпустили профессора и его сотрудников с извинениями* [Мих. Зуев-Ордынец. Сказание о граде Ново-Китеже // Всемирный следопыт, 1930].

### **Этнонимы в сочетании с атрибутивными элементами**

Этнонимы, функционируя в русском языковом дискурсе как нарицательные существительные, реализуют сочетательные возможности с именами прилагательными, причастиями, именами существительными, образуя словосочетания, построенные на основе согласования и управления. Поскольку имена прилагательные служат для обозначения качеств и свойств предмета речи, мы можем получить ответ на вопрос, каким предстает калмык или тувинец в русском языковом сознании, и обращаем внимание на семантические группы имен прилагательных, определяющих существительные *калмык* и *тувинец* в различных грамматических формах.



Материал НКРЯ дает три определения этнониму *тувинцы / тувинец*: *простые, настоящий, интересный*. Первые два определения использованы в художественных текстах, их употребление продиктовано традицией лексической сочетаемости, ситуацией, которая моделируется в художественном тексте (этнонимы встречаются в речи персонажей), а также доминантой художественного стиля — образной и эстетической значимостью каждого элемента речи:

*Это странно... Если он настоящий тувинец, или там... и потом, наш гимн — он же весь на этом построен: «Ударь, Василий, по струне...» — Гурам... — Иерусалим Анатольевич вдруг задышал носом и стал быстро облизывать губы.* [Сергей Юрский. Сеюки (1997–1998)];

*Напрактиковалась на всю жизнь! Но простые тувинцы меня уважали, на прощание даже шубу подарили!* [Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015)].

Определение *интересный* в сочетании с этнонимом *тувинец* имеет значение тувинский поэт (писатель) и произведения этого автора, которые необходимо переводить с тувинского языка на русский язык:

*... Добыла у него интересного тувинца — как раз необходима литература братских народов.* [Л. К. Чуковская. Полгода в «Новом мире». О Константине Симонове (1946–1947)].

Данное словоупотребление имеет оттенок профессионального использования этнонима и в профессиональной речи системно: в НКРЯ отмечены примеры использования этнонима *калмык* в аналогичном значении.

Существительное *калмык* в НКРЯ определяют прежде всего имена прилагательные со значением характеристики внешности человека как в целом, так и отдельных атрибутов внешнего облика человека (лицо (глаза, зубы, лоб, щеки, скулы), фигура, рост/возраст): *толстый, огромный краснощекий, одноглазый, крепколицый щербатый, мордатый, гололобый, высоколобый, скуластый, маленький* и др. Наружность калмыков характеризуется, как правило, в художественных произведениях (историческая проза, фантастическая повесть), мемуарах и — в редких случаях — в публицистических текстах, где существительное *калмык* наполнено конкретной семантикой:

*А мой напарник — одноглазый калмык из Астрахани — притащил самой лучшей, рассыпчатой крупной картошки* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)].

Большая часть перечисленных определений может употребляться не только в сочетании с существительным *калмык* — человек любой другой национальности может быть и маленьким, и огромным, и толстым мордатым, и одноглазым. Однако в указанной группе имен прилагательных можно выделить две лексемы, имеющие специфику в вариантах сочетаемости — *гололобый* и *скуластый*. Используя данные атрибутивные элементы в качестве запросов в информационно-справочной системе НКРЯ, мы можем увидеть, что голый (бритый) лоб нередко является характеристикой нерусских, тех, кто бреет лоб, — турок, китайцев, татар, башкир:

*А тут еще из-за их прихоти покидай свою голубку и к татарам гололобым отправляйся...* [Н. Н. Алексеев. Татарский отпрыск (1896)]; *Русские люди дивились роскоши турецкой, земли: «Все говорят — гололобые да бусурмане, а смотри, как живут!»* [А. Н. Толстой. Петр Первый. Книга вторая (1933)].

*Вот на обочине дороги вздувшаяся туша заседланного боевого коня, возле — труп всадника, левая нога вставлена в стремя. — Это — башка татарская, вишь — гололобая! — закричал Долгополов, указывая пальцем. А несколько подалее из помятых хлебов торчат три пары ног, обутых в лапти.* [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 2 (1934–1945)].

Последний пример, описывающий одну из многочисленных трагических ситуаций периода пугачевского бунта, наглядно иллюстрирует наличие в семантике лексемы *гололобый* национально-культурного элемента принадлежности одному из народов Азии, традиционно бреющих лоб, в том числе и калмыкам (Батыров, 2008):

*Среди конников началась в воде возня, слышались крики, смех. Какой-то гололобый калмык в шутку накинул сзади петлю на зазевавшегося казака и с силой дернул её в свою сторону.* [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1 (1934–1945)].

Аналогичные результаты обнаруживаются и в примерах употребления прилагательного *скуластый*:

*Вошел с охаткой дров скуластый глухонемой калмык в красном жупане, стал растапливать камин.* [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939)];



*Скуластое, каменно жёсткое лицо старого калмыка всё изменилось, и из морщин глянули два добрых и умных глаза. И взгляд этих старых карих глаз, одновременно испытующий и доверчивый, видно, таил в себе что-то очень славное [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].*

Выделим и прилагательное *крепкошей*, которое в НКРЯ встречается только один раз в роли определения к этнониму *калмыки*:

*Эксцессов с местным населением почти нет: «У нас не поборзеешь, сразу завалят», — улыбаются **крепкошейе калмыки** в ответ на вопрос о чеченцах. [Михаил Виноградов. Люди и кони. Выборы в стране буддизма и шахмат // «Известия», 2002.10.17].*

К группе лексем, обозначающих особенности внешнего вида, примыкают прилагательные, указывающие на примерный возраст калмыков — героев художественных произведений, мемуаров или публицистических текстов:

*старый, пожилой, немолодой, взрослый, молодой: И зависть к **старому калмыку** охватила его [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)];*

***Пожилый калмык** подъехал к ординарцам, праздно стоявшим у ворот, спешил, сунул в карман глиняную трубочку [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвёртая (1928–1940)].*

Наибольшая частотность употребления отмечается у прилагательного *старый*, в то время как остальные прилагательные со значением возраста в сочетании с существительным *калмык* единичны. На наш взгляд, имеется закономерность в, казалось бы, случайном ряду определений, где четыре элемента из пяти передают признак зрелости — качества, приобретаемого после большого количества прожитых лет. Взрослый человек может предпринимать самостоятельные действия, старик может обладать бесценным опытом:

*«Надо позвать **старого калмыка**. Если он не поможет...» Отец не договорил, но всем был ясен смысл его слов: если **старый Аксен** не поможет, то лошадям не жить [С. А. Дангулов. Кугультинов (1981)].*

Современный русский языковой дискурс содержит пример сложившегося несколькими веками раньше общего представления об отличиях калмыцкого костюма (калмыком можно было нарядиться):

*Когда это шествие двинулось по городу, тут было на что посмотреть. Князь Оболенский, **наряженный калмыком**, играл на балалайке. ... [Ольга Чайковская. Великий царь или Антихрист? // «Звезда», 2001].*

В описательно-повествовательных фрагментах художественного текста (роман В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев») находит отражение специфика внешних признаков калмыков, в частности, особенности одежды, атрибуты костюма, предметы быта, род занятий, бешметы, халат, трубка (трубочка), кибитка:

*С левого фланга скакали донцы, за ними — полтысячи **полуголых калмыков**: они спустили по пояс **красные суконные бешметы** и, оцетинив пики, с визгом мчались колоть и топтать утекавших пруссаков [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939)];*

*Сидевший в заднем ряду **огромный краснощекий калмык в малиновом халате** по забывчивости вынул **трубку** и стал ее раскуривать [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939)];*

*Впереди без шума, **без закура трубок** двигалась конница: **пятьсот ставропольских калмыков** да сотня крепостных казаков [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1–2 (1939–1945)];*

*Как только генерал Мансуров занял Яицкий городок, ставропольские и **оренбургские калмыки с женами, детьми, скотом**, в числе **шестисот кибиток**, бежали в сторону Башкирии на соединение с Пугачёвым [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1 (1934–1945)].*

### **Этнографическая информация о калмыках и тувинцах в русском дискурсе**

Материалы НКРЯ содержат сведения этнографического характера о тувинцах и калмыках. Научный (научно-популярный) фрагмент НКРЯ фиксирует информацию об особом отношении тувинцев к можжевеловому:

*Это растение можно встретить в тайге, оно считается самым лекарственным среди хвойных. **Тувинцы** верят в охраняющую силу этого растения: им окуривают помещения, клубы дыма направляют*



вслед врагу, чтобы не возвращался, а ветками выгоняют скот на пастбище, чтобы защитить его от болезней. [Л. П. Шумова. Основные отделы растений // «Биология», 2003.10.08];

о скотоводческом прошлом тувинцев: *Детям не разрешали играть. Вот когда пасет... (мы, тувинцы, раньше были животноводами) — от детей прятали. Детям вредно — очень увлекаются, трудно оторвать». Знаменитое тувинское горловое пение.* [Ольга Шотландия. Музыка, здоровье, шаманизм // «Пятое измерение», 2003];

о тувинце-шамане: *И вот выходит сам Николай Ооржак — невысокий человек с бубном, какими-то странными предметами и инструментом, который в просторечии называют «один палка, два струна». Тувинец. Улыбается. Он мне откровенно симпатичен.* [Ольга Шотландия. Музыка, здоровье, шаманизм // «Пятое измерение», 2003].

Именно научный текст в НКРЯ дает наибольшее количество словоупотреблений этнонима *тувинец*, а также посвящен вопросам этнографии тувинского народа. В контекстах советской публицистики (их всего 3) содержится информация о традициях состязания лучников у тувинцев и традициях мастеров-тувинцев — резчиков по камню.

Этнографические данные о калмыках в русском языковом дискурсе рассматриваемого периода не ограничиваются научными текстами.

В русском дискурсе начала XX века находит отражение представление о некоторых обычаях калмыков, в частности, упоминается о случаях умыкания невесты. Брак умыканием у калмыков был распространенным явлением, однако далеко не во всех случаях такая форма брака была одобряема всеми сторонами (Батыров, 2013; Калмыки, 2010):

*А чудной всё-таки народ калмыки, — вспоминает Иван Никитич, — помню, вот, служил я в сальских степях и приезжает ко мне раз богатый калмык, Горгульгой звать, и плачет, что, говорит, ночью у него дочь умыкали.* [Р. Б. Гуль. Конь рыжий (1952)].

Известно, что образ чужого в оппозиции «свой — чужой», характерной для ситуаций межкультурной коммуникации, нередко связан с фактором владения языком. Для русской картины мира указанный фактор также важен и в материалах НКРЯ отражается только в контекстах с этнонимом *калмык*. Рассматривая с этой точки зрения эмпирический материал НКРЯ, мы можем увидеть, как изменяется русская речь калмыков. Так, у М. Шолохова калмыки, примкнувшие к Белому движению, изображаются плохо владеющими русским языком (что, впрочем, соответствовало изображаемому периоду — 20-м годам XX века и может считаться одним из средств создания исторического колорита и характеристики персонажа), говорящими на ломаном русском языке:

*— Где твоя старика? — спросил пожилой статный калмык с погонами старшего урядника, спешиваясь и проходя мимо Ильиничны в калитку.* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвёртая (1928-1940)];

*— Кончай балачка, веди дом! Нет — сами ходим, — строго сказал обиженный калмык и решительно зашагал к крыльцу, широко ставя вывернутые ноги* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвёртая (1928-1940)].

В середине XX века языковой барьер между местными русскими и репрессированными калмыками осознается русскими как один из факторов, отдаляющих людей друг от друга, ощущается как нечто несправедливое, усиливающее осознание трагедии:

*Или не хватало им по весне свежих цветущих лощин в тюльпанах, жаркого душистого лета, напоённого пряными ароматами высушенных солнцем степных трав?.. Все больше детей, а потом и взрослых калмыков стали попадать в больницу. Ни внимательные русские врачи, ни ласковые сестры в белых косынках, сами брошенные на чужбину, а потому старавшиеся помочь от всего сердца, ничего не могли сделать... Калмыки лежали на больничных койках тихие, ужасно далекие со своим малоподвижным лицом и чужим языком, горели в сильном жару и помирали.* [О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)].

Однако в примерах конца XX — начала XXI-го в. русская речь калмыков относит калмыков скорее к разряду «своих», нежели «чужих»: все контексты, содержащие какие-либо указания на речь калмыков, демонстрируют отсутствие языкового барьера:

*— Здесь не только «новые калмыки» — пожилая женщина ловит за капюшон малявку-внучку с клетчатой доской под мышкой: «У нас с первого класса шахматы — обязательный предмет. Никуда от них не денешься. Ездим сюда почти каждый день из города».* [Михаил Виноградов. Люди и кони. Выборы в стране буддизма и шахмат // «Известия», 2002.10.17].



### **Этнонимы в ряду этнонимов**

Этнонимы *калмыки* и *тувинцы* в русском дискурсе активно используются в сочетании с другими этнонимами (в ряде случаев в самом широком понимании термина этноним). Контексты с перечислительными рядами составляют значительную часть примеров функционирования этнонимов и распределяются на группы по семантике, в создании и трансляции которой этнонимы активно используются. Можно сказать, что в русском дискурсе зафиксирован этнонимикон России в диахронии и синхронии. Этноним *калмыки* используется в контекстах, где перечисляются 1) приграничные народы, 2) «инородческое» население Забайкалья, 3) народы, составляющие инородческую конницу; 4) иноземцы в Запорожье, 5) народы, подвластные русскому царю, 6) случайно сложившаяся группа, 7) южные народы, не знавшие русского языка, 8) казаки, 9) монголоязычные народы, 10) все народы, 11) жители поселка, 12) разные народы, 13) национальное меньшинство, 14) народности, проживающие в России, 15) все, 16) азиаты, 17) народы, пережившие депортацию, 18) кочевые народы, употребляющие в пищу кумыс, 19) разные люди, 20) представители разных национальностей, живущих в мире и согласии.

Самая многочисленная группа примеров — несколько десятков — контексты, где перечисляются народы, пережившие депортацию. Такие перечислительные ряды встречаются как в художественных текстах, так и в публицистике:

*А некоторые народы, как, например, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки и другие, целиком постигла и общенациональная трагедия. Их насильственно выселили из родных мест, опозорили, приклеив к ним ярлык «предателей», обрекли на постепенное вымирание как нации. И только с божьей помощью, спустя тринадцать лет, около миллиона репрессированных смогли вновь обрести свою родину, вернуться в родные края и начать трудный созидательный процесс возрождения своей национальной жизни.* [Мы все зависимы друг от друга // «Жизнь национальностей», 2002.06.05].

Этноним *тувинцы* используется в контекстах, перечислительные ряды которых передают следующие значения: 1) все, 2) этнос как составная часть единого российского народа, 3) этноним как показатель этнической пестроты, которая оказывается относительной, 4) часть этнического состава региона, другие национальности, 5) представители титульных народов республик России, 6) жители республик России.

Одновременно этнонимы *калмыки* и *тувинцы* используются в группе контекстов, где речь идет о народах, исповедующих буддизм. Это, на наш взгляд, безусловно, объединяет калмыков и тувинцев в русской языковой картине мира в один культурный ареал:

*Далее речь пойдет о том, как отмечают те или иные праздники приверженцы тибетского буддизма, так как именно к этой ветви принадлежат народы России, традиционно исповедующие буддизм (тувинцы, буряты, калмыки, большая часть алтайцев).* [Буддийские праздники // «Отечественные записки», 2003].

### **Оценочность этнонима в аспекте религии**

В исследованиях русского коммуникативного поведения отмечается традиционная терпимость русских к нравам других этносов (Прохоров, Стернин, 2007: 105; Сергеева, 2008: 177), сложившаяся в результате проживания в многонациональном государстве. При этом в русском дискурсе можно увидеть и оценочность этнонимов, которая нередко связана с вероисповеданием (Попова, Аль-Хамдани, 2016). Почти вековой русский дискурс — материал НКРЯ — подтверждает значимость вероисповедания как фактора, формирующего оценочность этнонима *калмык*. В то же время языковой материал демонстрирует изменение оценочности этнонима, связанной с этим фактором.

Так, в контекстах начала XX века, а также источниках, изображающих события этого времени или более ранних периодов истории, отмечается реализация категории чуждости в речи персонажей художественных произведений. Примечательна фраза *Мужик калмыка чурается, татарин калмыка не любит — иной веры...* [А. П. Чапыгин. Гулящие люди (1937)], где прямо выражена отчужденность друг от друга этносов с разными религиозными взглядами. Недовольство ситуацией и исполнителем выражено в номинации-обращении к калмыку:

*Есаул сдвинул на затылок низко срезанную кубанку, обнажив на бритой голове малиновый незарубцевавшийся шрам, и круто повернулся на высоких стоптанных каблуках лицом к калмыку: — Чего ты их гнал, некрещеная харя? За каким чертом? Не мог по дороге на распыл пустить? Калмык весь*



*как-то незаметно подобрался, ловко сдвинул кривые ноги и, не отнимая руки от козырька защитной фуражки, ответил: — Командир сотни приказала гони сюда надо. — «Гони сюда надо»!* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвёртая (1928–1940)].

Калмыки в лингвокультурной оппозиции «свой — чужой» оказываются среди чужих по признаку другой веры

*(— Да он не православный, не русский. Калмык. — Да это не он, брехня! Разве это генерал?* [В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 3–4 (1983)],

противопоставляются христианам:

*Теперь, говорят, все дела круг решать станет. Соберутся на круг: и стар, и мал, и казак, и посадский, и калмык, и добрый христианин — и решают, как быть, как жить.* [Светлана Василенко. Дурочка (1998)].

Среди «своих» калмыки оказываются в том случае, если приняли православие:

*— Да нашей ли ты веры? — По крови я калмык, а по вере — православный, — кротко отвечал мужичонка, лежа в тележке. — Христа с детства возлюбил всем сердцем. Окрестился.* [Светлана Василенко. Дурочка (1998)].

Известно, что православие стало распространяться среди калмыков в XVII в., однако процесс христианизации калмыков хотя и шел, но протекал не так, как планировало царское правительство (Эрдниев, 1980). На наш взгляд, не случайно использование усилительной частицы *даже* в следующем контексте:

*Главной святыней монастыря должна стать копия с чудотворной Иверской Афонской иконы Богородицы «Портатиссы» (Вратарницы). Братия в монастырь специально подбирались разноплеменная (русские, белорусы, немцы, литовцы, поляки, еврей и даже один калмык). Это первый опыт создания ещё достаточно условного подобия Святому Месту православного Востока. Строительство Иверского монастыря на острове Валдайского озера началось в 1653 году — каменный собор был освящён в декабре 1656 года.* [С. А. Еремеева. Лекции по русскому искусству (2000)].

Показательно и то, что особенности вероисповедания калмыков (и тувинцев) не упоминаются в русском дискурсе середины XX века, в то время как в начале XXI века русский дискурс содержит указание на буддизм как традиционную религию калмыков, бурят, тувинцев — народов, проживающих в Российской Федерации. В большой степени это можно связать с антирелигиозной пропагандой, которая велась во все годы существования Советского Союза. Можно сказать, что современные контексты демонстрируют толерантное отношение к верованиям разных народов России, в том числе к буддизму:

*Для России это важно и потому, что буддизм в нашей стране — одна из традиционных религий. Буряты, тувинцы, калмыки, да и не только они, почитают Далай-Ламу как своего духовного лидера.* [Николай Листопадов. Что происходит в Тибете // «Наука и религия», 2008];

*В России имеется и значительное число последователей буддизма. Его исповедуют верующие буряты, тувинцы, большинство калмыков* [Народы России // «Жизнь национальностей», 2000.06.23].

### Отэтнонимные образования в русском дискурсе

Результатом функционирования этнонимов в языке является разветвление полевой структуры этнонимикона с ядром (этнонимом) и периферией (образования от этнонима). Анализируемый материал НКРЯ демонстрирует более разветвленную структуру поля этнонима *калмык*. Так, в русском дискурсе представлены тексты, имеющие в своем составе сравнительные обороты и фразеологизмы с этнонимом *калмык*, в которых в лаконичной форме рисуется образ калмыка верхом на лошади:

*Усидчивые рыболовы, скорчившись, как калмык на седле, гипнотически приникали взглядом к таинственному волнению поплавок.* [А. С. Грин. Ива (1923)];

*«Фалаторы» в Москве, как калмыки в астраханских или задонских степях, вели жизнь, одинаковую с лошадьми, и пути их были одинаковые: с рассветом выезжали верхами с конного двора.* [В. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926–1934)];

*Помнишь, небось? Скакуны были, хучь калмыка догоняй! Рыжий с прозвездью был у нас тогда. Я на нем зайцев топтал.* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928–1940)].



Кочевой образ жизни, особенности калмыцкого жилища сформировали у русских представление о том, что хорошо знают и умеют калмыки, и о том, чего они не знают вовсе. Таково отражение стереотипа еще в одном сравнительном обороте, используемом для создания иронического отрицательно оценочного контекста:

*Как сведущий Лесков и оценивал богословские притязания автора книги «Наши новые христиане», применив к нему слова Феофана Прокоповича о том, что автор «тую богословию знает, как калмыки архитектуру» [С. Г. Бочаров. Леонтьев и Достоевский (1993–1994)].*

Материалы русского языкового дискурса фиксируют, редкий, вышедший из активного употребления разговорный фразеологизм — «калмык душит», который в источнике отнесен к волжским выражениям:

*Теперь я знаю о Нэди все: дед — коннозаводчик, выводил текинских коней, в революцию бежал со своей единственной дочерью в Германию, дочь вышла замуж за немца, появилась на свет Нэди, потом разорение и смерть деда, развод мамы с папой, и маленькая Нэди вместе с мамой оказалась в знаменитой русской колонии под Прагой. Вот откуда у нее такой блистательный русский язык — сочный, образный: у них в гимназии преподавала профессура Петербургского университета, и я впервые услышала мамыны волжские выражения «проводить время шаны на мань», а когда мы с Левушкой засыпали за ужином, мама говорила «калмык душит». [Татьяна Окуневская. Татьянин день (1998)].*

Вместе с указанными сравнительными и фразеологическими оборотами, материал НКРЯ содержит примеры отэтнонимных нарицательных обозначения (ветер «калмык»), этнопонимов (гора Калмык-тологой), этноантропонимов (фамилия Калмыков).

Учитывая влияние на язык множества экстралингвистических факторов, мы можем предположить, что поле этнонима *тувинец* находится в процессе развития, так же как и соответствующий фрагмент русской языковой картины мира.

## Заключение

Лингвистический материал является отражением представленности другого народа в языковой картине мира русских, и первое упоминание о калмыках и тувинцах (датировка документов) способно указать примерное время, когда в русской картине мира появляются новые фрагменты.

В целом русский языковой дискурс содержит разнообразные сведения о калмыках и тувинцах, эти сведения разнородны, как их источники. Однако даже несколько десятков контекстов, содержащих этноним, могут продемонстрировать осведомленность русских о народах России, обнаружить определенные стереотипы восприятия русскими других народов в целом, показать изменение в языковой картине мира.

Тувинский фрагмент русской языковой картины мира по сравнению с калмыцким не отличается полнотой, отражает самые общие представления о прошлом и настоящем тувинцев, их нравах, обычаях, верованиях, образе жизни, языке. Учитывая то, что языковая картина мира не статична, не является чем-то застывшим, можно проследивать изменение в русской языковой картине мира, наблюдать заполнение лакун в представлении о другом этносе.

Этнонимикон представляет собой важный источник материала для анализа русской языковой картины мира, позволяющий уточнить образ представителя другого народа — не иностранца, а жителя России — в русском языковом сознании.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батыров, В. В. (2008) Калмыцкая прическа в XVIII–XIX вв. // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Материалы Международной научной конференции : в 3 ч. / отв. ред Н. Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН. Ч. III. 165 с. С. 76–80.

Батыров, В. В. (2013) Брак умыканием у калмыков в первой половине XIX века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 4. С. 10–12.

Березович, Е. Л., Гулик, Д. П. (2002) Ономазиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Научный совет по истории мировой культуры / отв. ред. Г. П. Нешименко. М. : Наука. 478 с. С. 232–253.



Калмыки (2010) / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука. 568 с.

Новоженова, З. Л. (2014) Что и как у русских по-польски? // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. Вып. 14. 164 с. С. 134-145.

Попова, Е. А., Аль-Хамдани С. (2017) Вероисповедание как фактор формирования оценочности семантики этнонимов в русской языковой картине мира // «Ищите же прежде Царствия Божия и правды его» (Мф. 6:33): материалы XII Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» (20–22 октября 2016 г.; г. Липецк — Задонск) / под. ред. Н. Я. Безбородовой, Н. В. Стюфляевой (отв. ред.). Липецк : ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. 328 с. С. 125–131.

Проخورов, Ю. Е., Стернин, И. А. (2007) Русские: коммуникативное поведение. 3-е изд., испр. М. : Флинта ; Наука. 328 с.

Сергеева, А. В. (2008) Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 6-е изд. М. : Флинта ; Наука. 320 с.

Сироткина, Т. А. (2008) Региональный этнонимикон как полевая структура // У чистого источника родного языка: сб. науч. ст. к 60-летию проф. В. И. Супруна / отв. ред. Е. В. Брысина. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена». 375 с. С. 214–2019.

Тюркские народы Восточной Сибири (2008) / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука. 422 с.

Эрдниев, У. Э. (1980) Калмыки. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 284 с.

Дата поступления: 07.10.2019 г.

#### REFERENCES

Batyrov, V. V. (2008) Kalmytskaya pricheska v XVIII–XIX vv. [Kalmyk hairstyles in the 18<sup>th</sup>–19<sup>th</sup> cc.]. In: *Oiraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya [Oirats and Kalmyks in the history of Russia, Mongolia and China]*. Proceedings of the international scientific conference. In 3 vols. Ed. by N. G. Ochirova. Elista, Kalmyk Humanities Research Institute of RAS. Vol. III. 165 p. Pp. 76–80. (In Russ.).

Batyrov, V. V. (2013) Brak umykaniem u kalmykov v pervoi polovine XIX veka [Marriage by abduction among the Kalmyks in the early-to-mid 19<sup>th</sup> century]. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*, no. 4, pp. 10–12. (In Russ.).

Berezovich, E. L. and Gulik, D. P. (2002) Onomasiologicheskii portret «cheloveka ehtnicheskogo»: printsipy postroeniya i interpretatsii [Onomasiological portrait of 'Homo ethnicus': principles of formation and interpretation]. In: *Vstrechi ehtnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka: (v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte) [Encounters of ethnic cultures in the mirror of language (in a comparative linguo-cultural aspect)]*. Ed. by G. P. Neshchimenko. Moscow, Nauka. 478 p. Pp. 232–253. (In Russ.).

*Kalmyki [The Kalmyks]* (2010). Ed. by E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya. Moscow, Nauka. 568 p. (In Russ.).

Novozhenova, Z. L. (2014) Chto i kak u russkikh po-pol'ski? [What and how do Russians call like Poles?]. In: *Problemy rechevoi kommunikatsii [Problems of speech communication]*. Inter-university collection of scholarly works. Ed. by M. A. Kormilitsyna. Saratov, Saratov State University. Is. 14. 164 p. Pp. 134–145. (In Russ.).

Popova, E. A., Al-Khamdani S. (2017) Veroyisповедание kak faktor formirovaniya otsenochnosti semantiki ehtnonimov v russkoi yazykovoi kartine mira [Religion as a factor to form evaluativity semantics of ethnonyms in the Russian linguistic worldview]. In: «*Ishchite zhe prezhde Tsarstviya Bozhiya i pravdy ego*» (Mf. 6:33) [*But seek first His kingdom and His righteousness*] (Mathew 6:33). Proceedings of the international forum 'Zadonskie Svyato-Tikhonovskie Educational Readings' (October 20–22, 2016; Lipetsk — Zadonsk). Ed. by N. Ya. Bezborodova, N. V. Styuflyayeva. Lipetsk, Semyonov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University. 328 p. Pp. 125–131. (In Russ.).

Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A. (2007) *Russkie: kommunikativnoe povedenie [The Russians: communicative behavior]*. 3<sup>rd</sup> ed., rev. Moscow, Flinta; Nauka. 328 p. (In Russ.).

Sergeeva, A. V. (2008) *Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost' [The Russians: behavioral stereotypes, traditions, mentality]*. 6<sup>th</sup> ed. Moscow, Flinta; Nauka. 320 p. (In Russ.).

Sirotkina, T. A. (2008) Regional'nyi ehtnonimikon kak polevaya struktura [Regional ethnonymic clusters as field structures]. In: *U chistogo istochnika rodnogo yazyka [At the fresh spring of Mother Tongue]*. Collection



of scholarly works commemorating the 60<sup>th</sup> anniversary of Prof. V. I. Suprun. Ed. by E. V. Brysin. Volgograd, Peremena (Volgograd State Pedagogical University). 375 p. Pp. 214–2019. (In Russ.).

*Tyurkskie narody Vostochnoi Sibiri [Turkic peoples of Eastern Siberia]* (2008). Ed. by D. A. Funk, N. A. Alekseev. Moscow, Nauka. 422 p. (In Russ.).

Erdniev, U. E. (1980) *Kalmyki [The Kalmyks]*. Elista, Kalm. Book Publ. 284 p. (In Russ.).

*Submission date: 07.10.2019.*